

УДК 94
ББК 66.2(0)7

«БОННСКАЯ МОДЕЛЬ» И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В АФГАНИСТАНЕ В 2001–2004 гг.

Омар Нессар

В 2012 году, вскоре после начала операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане, в г. Бонн (Германия) состоялось совещание афганских политиков и представителей международного сообщества — первая Боннская конференция. В рамках этой конференции было заключено соглашение, определившее основы национальной политической системы в постталибском Афганистане.

В настоящее время изучение «боннского опыта» и его влияния на политический процесс в Афганистане представляется актуальным как с точки зрения изучения политической истории страны, так и с целью сбора материала для прогнозирования итогов многолетней миссии Международных сил содействия безопасности (далее — МССБ¹).

Современный афганский политический процесс изучен в российской науке не в достаточной мере, что обусловлено объективными обстоятельствами. Опыт изучения афганской политической жизни преимущественно относится к периоду 1960–1980 гг., когда изучаемая страна была доступна для советских специалистов, имевших возможность прямых контактов с ее партийными активистами. Это позволило им достаточно хорошо изучить политический процесс времен правления Народно-демократической партии Афганистана (далее — НДПА), а также историю, структуру и деятельность партии [Слинкин 1999; Слинкин 2003; Коргун 1983].

Гражданская война 1990-х гг., массовая эмиграция и кризис крайне затрудняли научную работу в стране, в результате чего большинство исследований того периода в значительной мере освещали политическую

жизнь довоенного периода и имели ограниченную источниковую базу. Впрочем, несмотря на это, можно выделить ряд работ, посвященных обзору политической истории Афганистана, охватывающих период до конца войны 1992–2011 гг. [Искандаров 2004], посвященных исследованию движения «Талибан» [Сикоев 2004а, Nojumi 2002] и хода гражданской войны в стране [Акимбеков 2003].

Возможности применения результатов этих исследований для изучения современной политической ситуации в Афганистане ограничены следующими обстоятельствами: изменением персонального состава политических элит в результате смены поколений и смертности в военный период, снижением роли крупных политических партий прошлого в политической жизни 2000-х гг. (НДПА или бывших «коммунистов»), переходом на нелегальное положение активистов многих партий и движений (движение «Талибан», Исламская партия Афганистана Г. Хекматъяра).

К проблеме формирования послевоенной политической системы Афганистана обращались англоязычные авторы (в частности, [Elliot 2009; Lister 2011]), однако их анализ чаще всего опирается исключительно на открытые, зачастую иностранные, источники и в меньшей мере — на изучение афганских источников и непосредственные интервью с участниками политического процесса. Кроме того, в России и на Западе в 2000-е гг. появился ряд работ, посвященных анализу недавних или текущих политических событий [Сикоев 2004а: 12–16; Коргун 2005: 41–49; Арунова 2005: 16–18; Коргун 2004].

Указанные обстоятельства делают необходимым проведение новых исследований по изучению современных политических процессов в Афганистане, а также публика-

¹ МССБ — возглавляемый НАТО международный войсковой контингент, действующий в Афганистане с 2001 г.

цию работ, обобщающих афганский политический опыт последнего десятилетия.

Предыстория вопроса

Боннская конференция стала очередным этапом развития афганской политической жизни. Основным фактором политического процесса в стране в 1995–2001 гг. было активное движение «Талибан», которому удалось установить контроль над значительной частью территории страны и приступить к реализации собственных политических установок.

Генезис движения талибов исследователи определяют различным образом. Одни видят корень в этническом факторе, то есть предполагают, что движение «Талибан» возникло как пуштунское националистическое движение, ставящее целью объединить страну и положить конец гражданской войне [Elliot 2009]. Другие предполагают, что главенствующую роль в движении изначально играли религиозные доктрины [Nojumi 2002]. Наконец, есть указания на то, что действия талибов можно связать с «сельской» идентичностью их образа жизни и опыта [Edwards 2002].

Изначально талибы рассматривались как пуштунское движение, являющееся союзником номинального президента Афганистана Б. Раббани, которое принимало участие в объединении страны. Некоторые российские эксперты считают талибов «детьми» моджахедов, обделенных властью. На начальном этапе именно эта позиция обуславливала поддержку многих афганских политиков, а также зарубежных спонсоров [Сикоев 2004а]. Более того, сегодня некоторые бывшие лидеры талибов именно на Б. Раббани возлагают ответственность за переезд Усамы Бен Ладена из Африки в Афганистан. По словам бывшего главы МИД режима талибов Абдул Вакиля Мутавакия, лидер террористической сети «Аль-Каиды» в 1990-х гг. перебрался в Афганистан на самолете афганской государственной авиакомпании «Ариана», посланном за ним в Сомали по распоряжению Б. Раббани [по данным телеканала «Толо», сентябрь 2011 г.]. Однако, по всей видимости, руководство движения «Талибан» по мере достижения самостоятельных успехов пересмотрело эту стратегию и пришло к выводам о возможности самостоятельного захвата власти в стране. Важнейшим переломным моментом в политике талибов ста-

ло взятие в 1996 г. Кабула, за которым последовало объединение всех прочих политических групп против экспансии движения «Талибан». Не могла не оказать влияния на отношение народа к движению «Талибан» казнь талибами бывшего президента Афганистана, пуштуна Наджибуллы.

Так или иначе, основные цели талибов сводились к завершению гражданской войны, ликвидации оппозиции, установлению государственного и общественного устройства, основанного на характерном для них понимании норм шариата. Кроме того, талибы выступали в качестве проводника идеи пуштунского политического и религиозного доминирования, что в значительной мере превращало конфликт в противостояние пуштунов и этнических меньшинств страны. Это положение вело к усилению популярности талибов среди пуштунского населения Афганистана.

В стратегической перспективе движение «Талибан» рассматривало возможность экспорта своей общественно-политической модели в сопредельные страны. Важным способом достижения этой цели стал стратегический союз движения «Талибан» с международной террористической организацией «Аль-Каида» [Жаккар 2007]. Подконтрольная талибам территория Афганистана использовалась организацией Усамы Бен Ладена в качестве политического убежища, для создания тренировочных баз и лагерей, а также вербовки активистов. На территории страны функционировали представительства Исламского движения Узбекистана (ИДУ) и «Чеченской Республики Ичкерия» [Можда 2003].

На отношениях «Талибана» с иностранными государствами негативно сказалось также развитие наркопроизводства на землях, подконтрольных талибам (выращивание опийного мака и переработка опиума в морфин и героин). Этот фактор привел к резкому росту производства опиатов в Евразии, что способствовало распространению наркомании во многих странах континента [Хохлов 2006]. Особенно значительная дестабилизация общества из-за обострения проблем наркопреступности и наркомании имела место в Средней Азии [Зеличенко 2003].

Негативно повлияла на отношение к режиму талибов также проводимая ими политика по отношению к культурным ценностям Афганистана. Так, в конце 1990-х гг.

по приказу руководства движения были уничтожены культурные ценности афганских музеев, в том числе Кабульского национального музея [Можда 2003]. В 2001 г. духовный лидер движения «Талибан» мулла Мохаммад Омар выпустил декрет о разрушении в стране неисламских памятников, в результате которого были уничтожены Бамианские статуи Будды, создание которых относилось к I тысячелетию н. э. Международным сообществом этот акт был воспринят как вандализм со стороны движения, что привело к окончательной дискредитации режима талибов.

Политический процесс во внутренней афганской политике определялся прежде всего политическим противостоянием «Северного Альянса» и движения «Талибан», причем последнее в долгосрочной перспективе только усиливало свои позиции, что позволяло ожидать его окончательной победы в гражданской войне в течение 2000-х гг. Политический процесс внутри «Талибана» был обусловлен распределением власти между Кандагарской ставкой муллы Омара, который постоянно проживал в этом городе, и правительством Исламского Эмирата Афганистан в Кабуле, которое осуществляло исполнительную власть в стране [Акимбеков 2003].

Анализ политического процесса внутри «Северного Альянса» осложнялся его фрагментацией на этнические узбекские, таджикские и иные группировки, которые, совместно выступая против талибов, имели собственные политические интересы.

В результате неудач на пути создания и укрепления международных связей режим талибов подвергся атаке США после терактов 11 сентября 2001 г., ответственность за которые была возложена на «Аль-Каиду», базировавшуюся в то время на территории Афганистана. Удар последовал после того, как американской стороне было отказано в выдаче лидера «Аль-Каиды», Усамы Бен Ладена. Впрочем, некоторые бывшие лидеры режима талибов утверждают, что они предлагали вариант передачи Бен Ладена некоему «специальному трибуналу» мусульманских стран. Однако это предложение, по словам представителей талибов, американской стороной было отвергнуто [данные телеканала «Толо», сентябрь 2011]. Начало операции США против талибов привело к изменению политической ситуации в Афганистане, так как создало условия для

более активного вмешательства иностранных государств во внутривнутриполитическую борьбу.

После совершенных «Аль-Каидой» терактов Соединенные Штаты оказали поддержку войскам «Северного Альянса», объединениям вооруженных групп, противодействовавших талибам, значительную роль в которых играли непугунские национальные меньшинства, проживающие в северной части Афганистана. Одновременно США начали серию военных операций под общим названием «Несокрушимая свобода» против подразделений «Аль-Каиды» в ряде стран. В том числе было принято решение о непосредственном вмешательстве в афганский конфликт путем отправки американских войск в Афганистан.

США и их союзники, в первую очередь по НАТО, ввели в страну собственные войска, основываясь на резолюции Совета Безопасности ООН № 1386 [Резолюция 2001], сформировав Международные силы содействия безопасности ISAF (International Security Assistance Force). Первоначально в зону ответственности ISAF входила столица Афганистана Кабул. С 2003 г. зона ответственности начала расширяться, согласно ряду решений ООН, в результате чего к 2006 г. охватила всю страну.

После начального периода «Несокрушимой свободы» талибы отступили, уклонившись от прямого вооруженного противостояния с ISAF и «Северным Альянсом». В первую очередь это было связано с тем, что иностранные войска значительно превосходили талибов по военно-технической оснащенности, а также активно применяли авиацию, которой не располагало движение «Талибан». В итоге движение уклонилось от прямого вооруженного противостояния и было вынуждено покинуть крупные населенные пункты. Благодаря этому войскам международной коалиции и «Северного Альянса» достаточно быстро удалось взять Кабул и другие крупные города Афганистана под свой контроль.

Афганский политический процесс после Бонна

После прямого вмешательства иностранных государств в афганский конфликт, приведшего к значительному изменению баланса сил в стране и усилению антиталибских групп, перед международным сообществом и афганскими элитами встала необхо-

димось создания и легитимизации органов государственной власти Афганистана.

Решению этой задачи была посвящена конференция, прошедшая в декабре 2001 г. в Бонне под патронажем ООН. Согласно боннским решениям, были определены основные государственные институты, персональный состав временной верховной власти, принято решение о необходимости разработки новой конституции страны.

Формированию временных органов власти предшествовала борьба следующих политических групп [Filling 2001].

Римская группа. Политическая группа монархического толка, собравшая собственный съезд осенью 2001 г. в Риме. Возглавлялась бывшим монархом Мохаммадом Захир-Шахом. Эта группа занимала умеренно-либеральные позиции. В работе Боннской конференции участвовало, по одним данным, 9, а по другим — 11 представителей этой группы. В римскую группу, в частности, входили: Абдулл Саттар Сират, Азизулла Васафи, Хидайят Амин Арсала, Мохаммад Исхак Надири, Залмай Расул, Мохаммад Амин Фарханг, Мустафа Тахир, Сима Вали, Рана Мансури [Можда].

«Северный Альянс». Делегаты основной антиталибской вооруженной силы, альянса полевых командиров севера страны. После гибели в сентябре 2001 г. Ахмад Шаха Масуда его преемником стал Мохаммад Касим Фахим. Однако он и Б. Раббани лично не принимали участия в Боннской конференции. Группа «Северного Альянса» имела преимущественно непуштунский характер. В работе конференции участвовало 11 представителей этой группы — в частности, Мохаммад Юнус Кануни, доктор Абдулла Абдулла, Хаджи Абдул Кадир, Абас Карими, Хусейн Анвари, Мустафа Казими, Мохаммад Натики, Амина Афзали, Мирвайс Садик.

Кипрская группа. Группа проирански настроенных эмигрантов, собравшая свой учредительный съезд на Кипре в том же году. Одним из ее лидеров считался Саид Исхак Гилани, лидер афганского суфийского тариката Кадирия. В работе конференции участвовало 5 представителей этой фракции. Эта группа также представляла интересы лидера Исламской партии Афганистана (ИПА) Г. Хекматяра, находившегося в то время на территории Ирана. На это указывает присутствие в составе группы на переговорах в Германии зятя лидера ИПА, Хомаюна Джарира.

Пешаварская группа. Афганские эмигранты-пуштуны, находившиеся на территории Пакистана. Группу возглавляли сторонники Расула Сайяфа, номинально являвшегося членом «Северного Альянса», однако занимавшего наиболее независимую и радикальную позицию по ряду вопросов. Он подозревался в контактах с «Аль-Каидой», а также лоббировал решение об амнистии для участников вооруженного сопротивления силам США. В работе конференции участвовало 5 представителей фракции Сайяфа.

Кроме того, в работе конференции в Бонне принимал участие ряд независимых полевых командиров и деятелей афганской эмиграции, не примыкавших ни к одной из перечисленных фракций.

Основными решениями Боннской конференции стали [Agreement on Provisional]:

- формирование временной администрации, которая должна была принять на себя управление Афганистаном до формирования переходного совета;
- созыв Чрезвычайной Лойя Джирги, которая должна была утвердить новую Конституцию Афганистана (до ее утверждения действующей признавалась Конституция 1964 г. за исключением ряда статей);
- создание судебной системы во главе с Верховным судом;
- декларация о необходимости сотрудничества с международным сообществом и иностранными войсками, находящимися в стране в рамках резолюции Совбеза № 1386.

Участники конференции заседали в Бонне 9 дней. Предметом наиболее острой политической дискуссии стал вопрос о персональном составе правительства, в частности, избрание главы временной администрации. По некоторым данным, в результате одного из голосований большинство голосов в качестве главы временного правительства получил представитель Римской группы Абдул Саттар Сират. Однако под давлением США он был вынужден отказаться в пользу кандидатуры тогда еще мало кому известного Хамида Карзая [Можда]. Представители «Северного Альянса» настаивали на своем праве на верховную власть в стране и пытались уклониться от принятия Боннских соглашений. Раббани пытался даже отозвать делегацию «Альянса» из Бонна, ссылаясь на отсутствие у нее необходимых полномочий. Однако под давлением ему пришлось согласиться с формированием временной

администрации при участии представителей других групп [<http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/campaign/interviews/abdullah.html>].

Необходимо отметить явно настороженное отношение афганских участников Боннской конференции к создаваемой временной администрации. Практически никто из лидеров фракций не захотел лично участвовать в ее работе, предпочитая воздействовать на новую власть опосредованно. Временная администрация представляла собой своеобразный «совет министров», во главе которого стоял председатель (фактический глава страны), имеющий 5 заместителей и группу рядовых министров. Следует подчеркнуть, что председатель не являлся реальным главой государства, так как ключевые решения должны были приниматься большинством голосов.

Несмотря на невозможность удержать монопольную власть над страной, «Северный Альянс» смог стать доминирующей силой в составе временной администрации. Из 24 министерских портфелей 14 принадлежали представителям «Северного Альянса», причем им досталось руководство ключевыми, силовыми ведомствами (МИД, Министерство обороны, МВД, служба разведки). Большинство важных постов, особенно в правоохранительных структурах, попало в руки членов формальной фракции «Шура-е-Низар», к которой причисляют выходцев из провинций Панджшер и Бадахшан (Северный Афганистан). Администрацию страны возглавил один из пуштунских полевых командиров, занимавших антиталибскую позицию, Хамид Карзай, который лично не присутствовал на конференции. Формально он не принадлежал ни к одной из перечисленных выше фракций, однако, по сведениям некоторых российских авторов, его назначение на пост главы администрации лоббировалось промонархически настроенной «Римской группой» [Арунова]. 23 декабря в Кабуле прошло первое заседание временной администрации под руководством Х. Карзая. А днем раньше новое правительство Афганистана официально признали США.

Кроме того, Боннская конференция в определенном смысле ограничила участие в политическом процессе ряда группировок. Прежде всего, вопреки стремлениям ряда государств, в ней не принимали участия представители движения «Талибан» и

Исламской партии Афганистана под руководством Г. Хекматъяра. По сути, Боннская конференция вывела их за пределы формируемой политической системы Афганистана, исключив элемент переговорного процесса с радикальными политиками.

Другим важным результатом Бонна стало включение в декларативную часть резолюции тезиса о привилегированном положении бывших «моджахедов», участников вооруженной борьбы с СССР, которые, по замыслу авторов резолюции, должны были составить основу новой афганской политической элиты. Эта позиция нашла свое отражение в персональном составе временной администрации. Из 5 вице-председателей два были активными участниками войны 1979–1989 гг., один был членом руководства одной из группировок «моджахедов», хотя сам и не участвовал в боевых действиях. Практически все ключевые министерские посты заняли ветераны борьбы с НДПА и Советской армией, большинство из которых входили в окружение Ахмад Шаха Масуда. Очевидно, что Боннская резолюция в части, касающейся «моджахедов», ставила значительную преграду политическим амбициям бывших членов НДПА и лиц, служивших в госструктурах в коммунистическую эпоху. По имеющимся данным, только 1 член нового правительства — Сухаила Сиддики, министр здравоохранения, делала успешную карьеру во время правления афганских коммунистов.

Вместе с тем, Боннская декларация ставила в худшие стартовые условия лиц, не принимавших активного участия в войне 1979–1989 гг., в т. ч. эмигрантов и представителей младшего поколения политиков. Это видно на примере Мохаммада Фарханга, который занимал во временном правительстве второстепенный пост министра реконструкции, несмотря на то, что был одним из наиболее известных афганских экономистов.

Итоги Боннской конференции позволили окончательно определить статус находящихся в стране иностранных воинских контингентов. Численность иностранного военного контингента в Афганистане сегодня превышает 130 тыс. человек. За более чем 12 лет пребывания в Афганистане силы коалиции стали одним из элементов сложной региональной политической архитектуры [Нессар].

Изменения политической архитектуры после Лойя Джирги 2002 г.

Следующим этапом формирования политической системы Афганистана стали политические изменения, произошедшие после проведения Лойя Джирги 2002 г. и передачи власти от Афганской временной администрации к Переходной администрации, управлявшей страной в 2002–2004 гг.

Проведение Лойя Джирги летом 2002 г. было осуществлено в рамках реализации Боннских решений, однако привело к фактическому пересмотру системы власти, установившейся в то время.

Первым важным изменением стало укрепление власти Хамида Карзая, который был избран большинством депутатов Джирги президентом Исламской Республики Афганистан (ИРА). Это разделение власти президента и правительства значительно повысило статус Х. Карзая, поставив его над действующим составом национальной администрации. Кроме того, Джирга внесла ряд изменений в состав правительства страны. Из 5 вице-председателей администрации свои посты потеряли 4, кроме того, 12 из 24 министерских портфелей поменяли своих владельцев [<http://www.nps.edu/Academics/centers/ccc/publications/OnlineJournal/2006/Feb/johnsonFeb06.pdf>].

Основной причиной столь радикальных изменений стало включение в политический процесс сил, которые были слабо представлены на Боннской конференции. В первую очередь речь идет о полевых командирах, располагавших вооруженными формированиями, а также влиянием на подконтрольных им территориях. По данным западных наблюдателей, большинство членов Джирги представляли различные полевые командиры, проникновение в число депутатов иных кандидатов было весьма ограничено.

Власть новой кабульской администрации не могла основываться только на поддержке иностранных войск, поэтому она была вынуждена пойти на определенные уступки, назначив представителей местных элит на министерские посты. Можно, например, указать на несомненную роль влиятельного гератского полевого командира Исмаила Хана в назначении своего сына Мирвайса Садики на пост министра воздушного транспорта и туризма [<http://www.telegraph.co.uk/news/>].

Эти перестановки имели важные последствия. Во-первых, в правительстве были

значительно ослаблены позиции «Римской группы»: из 8 ее представителей пост сохранил только Мохаммад Амин Фарханг, занимавший второстепенный пост министра реконструкции. Свои посты потеряли также вице-председатель Сима Самар, министр финансов Хадайт Арсала, министр по делам границ Аманулла Задран. По всей видимости, Хамид Карзай не поддерживал эту кадровую чистку; в ходе работы Джирги он с большим уважением отзывался о Захир Шахе, называл его «отцом нации» и обещал ему значимую роль в разработке новой Конституции [Kenneth Katzman 2008]. Впоследствии Лойя Джирга 2004 г. официально закрепила за бывшим монархом этот титул. «Северный Альянс» в меньшей мере пострадал от этих перестановок, хотя оставление Юнусом Кануни поста министра внутренних дел не могло не сказаться на позициях этой политической группы.

Во-вторых, произошли изменения в этническом составе министров. Преемниками многих покидавших свои посты членов правительства, являвшихся представителями национальных меньшинств, становились этнические пуштуны, как это было в случае с Ю. Кануни. Следует отметить, что в ряде случаев кадровые перестановки «смягчались» переводом бывших министров на менее значимые должности, как это было в случае того же Кануни, занявшего пост советника Х. Карзая, и министра городского развития Абдул Кадыра. В этом случае политический вес перечисленных лиц снижался, однако формально они оставались членами правящей элиты. Кроме того, Х. Карзай проводил кадровую политику, которая, по мнению западных экспертов, была направлена на сбалансирование влияния этнических групп — сокращение влияния этнических таджиков в силовых структурах. Речь идет о крупных кадровых перестановках в армии в сентябре 2003 г., в результате которых 22 представителя таджикской национальности, занимавших высокие посты в армии, были заменены на пуштунов, узбеков и хазарейцев [Kenneth Katzman 2008].

Одновременно с усилением политической борьбы за контроль над правительством активизировалось и вооруженное противостояние в стране. Можно предположить, что до этого момента представители непримиримой вооруженной оппозиции ожидали смягчения политики США и официального Кабула, т. е. готовности вступить

в переговоры о включении боевиков в национальную политическую элиту. Однако, поняв в 2002 г. бесплодность этих ожиданий, вооруженная оппозиция возобновила военное давление на своих противников.

Большой ошибкой оказалась недооценка способности оппозиции к сопротивлению, которая была характерна для западной прессы первой половины 2000-х годов [Giustozzi 2008]. Сопротивление талибов и боевиков из «Аль-Каиды» активизировалось с сентября 2002 г., повстанцы стали предпринимать все более серьезные и опасные нападения на иностранные войска и местные силовые структуры. Изначально наиболее часто действовали группы по 15–20 боевиков, однако, начиная с лета 2003 г., участились случаи нападений отрядов талибов численностью в 100–200 человек. Им удавалось выводить из-под контроля правительственных сил значительные территории в сельской местности, особенно в восточной и южной частях страны.

Несмотря на то, что рост военной активности определялся в основном позицией движения «Талибан» и ИПА, определенную роль в нем сыграло исключение некоторые влиятельных полевых командиров из легальной политической элиты. Например, Аманулла Задран вместе со своим братом Пашой-ханом, лишившимся поста губернатора Пактии, примкнули к вооруженной оппозиции и участвовали в войне против правительства до ареста осенью 2003 г. [http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/3461351.stm].

Новая Конституция и президентские выборы

Основанием для новых радикальных перемен в правящей кабульской элите стало принятие зимой 2003–2004 гг. новой Конституции Афганистана. Главным итогом этого акта стало окончательное закрепление верховной власти президента Х. Карзая. Вновь избранному главе государства принадлежали право назначения министров по согласованию с парламентом, главенство над исполнительной властью, обширные полномочия в законодательной и судебной сферах [Сикоев 2004б; Виташов; International Crisis Group 2003].

Вопрос превращения Афганистана в президентскую республику вызвал в ходе работы конституционной Джирги острую дискуссию. Среди делегатов было много сторонников парламентской формы прав-

ления, которые опасались концентрации властных полномочий в руках одного лица. На одном из заседаний Джирги 48 % делегатов даже заявили о намерении бойкотировать дальнейшее обсуждение, если соответствующие положения проекта Конституции не будут пересмотрены. Однако в итоге под давлением США Джирга вынуждена была утвердить «президентскую» версию Основного закона [James Ingalls 2004].

Укрепление президентской власти позволило новому президенту осуществить кардинальную перестройку политической системы в стране. Важнейшей чертой нового передела власти стало выделение и усиление политической группировки, которую можно определить как «технократы». «Технократы» — политики, не имеющие военного опыта, чаще всего эмигранты, не принимавшие активного участия в движении «моджахедов», но обладавшие специальным образованием, полученным за рубежом, и определенными научными и управленческими навыками [Разак Мамун 2007].

На усиление позиций этой группы указывает профессиональный состав министров в правительстве 2004 года. Просматривалась явная тенденция передачи министерских постов лицам, имеющим профессиональное образование без учета их военного опыта. В правительстве 2004 г. большинство министров, в силу тех или иных причин, не участвовало в войне 1979–1989 гг., но зато большинство имело высшее образование, 9 из 25 имели ученые степени² [Биографические данные...]. Укажем на пример того же Мохаммада Фарханга, который перешел с поста министра реконструкции на пост министра торговли и промышленности.

Наряду с ослаблением позиций «моджахедов» произошли и другие политические перемены. Продолжилось ослабление позиций «Северного Альянса» и национальных меньшинств, так как ключевые посты в правительстве продолжали концентрироваться в руках министров-пуштунов. В частности, характерным эпизодом является передача руководства министерством обороны от Мохаммад Касима Фахима к Абдул Рахиму Вардаку, его бывшему заместителю.

² Биографические данные членов правительства взяты из справки Института исследования Афганистана // URL: <http://www.institute-for-afghan-studies.org/Documents/1stCabinet.html> (дата обращения: 20.12.2013).

Наконец, усиление Х. Карзая и рост числа министров-«технократов» привели к восстановлению влияния «Римской группы». Ее представитель Хадайт Арсала стал куратором экономического блока в кабинете министров Хамида Карзая (этот пост он занимал вплоть до 2009 г.). Еще минимум двое членов правительства принадлежали к «римлянам».

Важной составляющей политики, осуществлявшейся в 2004 г., стала интеграция полевых командиров в официальную политическую систему страны, укрепившая центральную власть Кабула в провинциях. Исмаил Хан получил в новом правительстве пост министра энергетики и водных ресурсов, ряд полевых командиров в Балхе и Джелалабаде получили должности начальников местных полицейских управлений. В рамках этого процесса влиятельный в то время на севере Афганистана узбекский генерал Абдул Рашид Дустум согласился переехать в Кабул, получив должность специального советника президента страны по военным вопросам и проблемам безопасности [Независимое военное обозрение].

Важным последствием принятия новой Конституции стало также развитие новой партийной системы Афганистана, охарактеризованное некоторыми российскими авторами как «партийный бум» [Сикоев 2004: 12–16]. По состоянию на 2005 г. в стране было зарегистрировано 80 политических партий, 33 из которых принимали реальное участие в парламентских выборах. Однако, несмотря на массовую регистрацию партий, для афганской политической жизни осталось характерным непубличное участие партийных организаций в предвыборных кампаниях. Так, лишь 12 % кандидатов в Волуси Джиргу официально баллотировались как представители от той или иной партии, однако по итогам выборов 200 из 249 избранных депутатов принадлежали к одной из партий или проявляли себя как активные сторонники таковой [Elliot 2009].

Еще одним политическим итогом рассматриваемого периода стало сокращение активности иностранных войск в Афганистане. 2004 г. стал переломным для коалиционных сил, ведь именно в этот период, после начала активной фазы иракской кампании, США переключили свое внимание на Ирак. Это не означало отказ от защиты уже занимаемых территорий и поддержки режима Хамида Карзая, однако вело к со-

кращению военного давления на боевиков. В результате этого активность талибов значительно возросла, как и роль в их деятельности религиозных экстремистов из иностранных государств. Именно в этот период в Афганистане участились теракты с использованием «живых бомб», что несвойственно менталитету афганцев [Нечитайло]. Иностранная коалиция не давала вооруженной оппозиции должного отпора, что вело к усилению влияния «Талибана» и деградации обстановки в сфере безопасности вплоть до конца первого десятилетия 2000-х гг.

* * *

Для западных стран, на фоне начала вывода иностранных войск, главной задачей афганской миссии становится решение проблем безопасности и устранение угроз политическому режиму в Кабуле, которые за последние годы лишь возросли. Этот вопрос стал центральной темой второй Боннской конференции. Таким образом, если участники первой Боннской конференции пытались решить проблемы постталибского Афганистана, то предметом внимания участников второй Боннской конференции стало обсуждение политической архитектуры постнатовского Афганистана.

Один из главных «менеджеров» первой Боннской конференции по Афганистану, специальный представитель Генерального секретаря ООН Ахзар Ибрагими, по завершении работы 9-дневной первой конференции в Бонне выразил надежду, что ее итоги станут основой для установления мира в Афганистане после 20 лет войны. Спустя 13 лет можно сказать, что все решения, принятые в 2001 г. в Бонне, были выполнены: принята Конституция, избраны президент и парламент страны.

Однако пока не приходится говорить об установлении мира и стабильности в Афганистане. Выборы главы государства и парламента сопровождались сообщениями о массовых фальсификациях. Эти события привели к дестабилизации политической ситуации. Западные политики и эксперты неоднократно высказывали озабоченность высоким уровнем коррупции в государственных органах власти Афганистана. Афганские власти, в свою очередь, не принимают эту критику, утверждая, что основу сложившейся системы заложили западные специалисты. Возможно, выполнение реше-

ний Боннской конференции дало бы больше положительных результатов, если бы с самого начала проходило с учетом местной и региональной специфики.

Очевидно, что афганский политический процесс, по мере приближения даты вывода из Афганистана основных сил США и НАТО, будет приобретать новую остроту и динамику. Связи между основными субъектами политического процесса будут становиться менее устойчивыми, следует ожидать разрушения нынешних и образования новых политических союзов и коалиций, которые, в свою очередь, не будут отличаться долговечностью и надежностью.

На ближайшие годы основными проблемами афганского политического процесса, на наш взгляд, станут:

- сохранение целостности государства,
- модернизация государственно-политической системы страны при сохранении ее устойчивости и стабильности,
- обеспечение баланса сил и интересов

между основными этническими группами — между пуштунами и непуштунами,

- интеграция в политический процесс различных фракций вооруженной оппозиции,

- разработка приемлемых для большинства населения страны моделей социального, политического и религиозного поведения, а также идеологических проектов, способных содействовать решению задач консолидации афганского общества.

Сложность решения задач, стоящих перед афганским обществом, предъявляет особые требования к качеству афганской политической элиты, а также предполагает надежное партнерство Афганистана с заинтересованными международными организациями и государствами. Очевидно, что без такого партнерства основные национальные государственно-политические задачи, составляющие содержательную часть афганского политического процесса, не могут быть решены.

Литература

- Акимбеков С. М.* Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. Алматы, 2003.
- Арунова М. Р.* Афганистан на перепутье // *Азия и Африка сегодня*. № 1. 2005. С. 16–18.
- Арунова М. Р.* К вопросу о стабилизации обстановки в Исламской Республике Афганистан. Ч. 1 [электронный ресурс] // URL: <http://www.journal-neo.com/?q=ru/print/8806> (дата обращения: 20.12. 2013).
- Виташов Д. С.* Основы конституционного строя Афганистана по конституции 2004 г. [электронный ресурс] // URL: <http://www.crisisweb.org/home/getfile.cfm?id=1050> (дата обращения: 20.12. 2013).
- Жаккар Р.* Секретные архивы Аль-Каиды. Разоблачающие материалы о последователях бен Ладена. Перевод с французского Н. Качахидзе. М.: Столица-Принт, 2007.
- Зеличенко А. Л.* История интегрирования Кыргызстана в международный процесс противодействия афганской наркоэкспансии: 1991–2002 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Бишкек, 2003.
- Искандаров К.* Общественно-политические движения в Афганистане: 1945–2001. Дис. ... д-ра ист. наук. Душанбе, 2004.
- Конституция ИРА*, статьи 60, 71 [электронный ресурс] // URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/3032.html> (дата обращения: 20.12. 2013).
- Коргун В. Г.* Афганистан в начале XXI века. Сб. ст. М.: Ин-т Ближн. Востока, 2004.
- Коргун В. Г.* Афганистан. Президентские выборы и выбор ориентиров // *Азия и Африка сегодня*. № 4. 2005. С. 41–49.
- Коргун В. Г.* Интеллигенция в политической жизни Афганистана. М.: Наука, 1983.
- Мамун, Разак.* Текнократхай мосалах. Кабул: Интишарат-е-саид. 2007.
- Можда В.* Афганистан ва пяндж сал салтанат-е талибан. Тегеран, 2003.
- Можда В.* Афганистан от первой боннской конференции до второй [электронный ресурс] // URL: <http://www.farsi.ru/doc/4531.html> (дата обращения: 20.12. 2013).
- Независимое военное обозрение* [электронный ресурс] // URL: http://nvo.ng.ru/wars/2003-05-30/2_korotko.html (дата обращения: 20.12. 2013).
- Нессар О.* Афганский кризис и проблема региональной безопасности [электронный ресурс] // URL: <http://ria.ru/politics/20101019/287107016.html> (дата обращения: 20.12. 2013).
- Нечитайло Д. А.* Особенности использования террористов-смертников в Афганистане. [электронный ресурс] // URL: <http://i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-15617.html> (дата обращения: 20.12. 2013).

- Резолюция 1386* (2001), принятая Советом Безопасности на его 4443-м заседании, 20 декабря 2001 года. Электрон. текстовые данные. Женева: Организация Объединенных Наций, 2001 [электронный ресурс] // URL: <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2001/res1386.htm> (дата обращения: 21.04.2011).
- Сикоев Р. Р. Афганистан в преддверии президентских выборов // Азия и Африка сегодня, № 8, 2004. С. 12–16.
- Сикоев Р. Основной закон 2004 года в контексте афганского конституционализма // Азия и Африка сегодня. 2004. № 6.
- Сикоев Р. Р. Талибы: религиозно-политический портрет. М.: Ин-т Востоковед. РАН, 2004
- Слинкин М. Ф. Афганистан: страницы истории (80-90-е гг. XX века). Симферополь, 2003.
- Слинкин М. Ф. Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки — Амина (1978–1979 гг.). Симферополь, 1999.
- Хохлов И. И. Развитие наркобизнеса в условиях контртеррористической операции в Афганистане // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 6.
- Agreement on Provisional Arrangements in Afghanistan Pending the Re-Establishment of Permanent Government Institutions* [электронный ресурс] // URL: <http://www.unric.org/de/frieden-und-sicherheit/26329> (дата обращения: 20.12.2013).
- Edwards D. B. Before Taliban. Genealogies of the Afghan Jihad. Berkeley-Los Angeles-London, 2002.
- Elliot A. Political Party Development in Afghanistan: Challenges and Opportunities ‘Policy Options for State-Building in Afghanistan’ SAIS Spring, 2009 Электрон. текстовые данные. [электронный ресурс] // URL: <http://www.sais-jhu.edu/academics/regional-studies/southasia/pdf/Afghanistan%20Political%20Parties%204ELLIOT.pdf> (дата обращения: 22.04.2011).
- Filling. The Vacuum. The Bonn Conference— Электронные текстовые данные. Berlin: WGBH Educational Foundation, 2001 [электронный ресурс] // URL: <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/campaign/withus/cbonn.html> (дата обращения: 22.04.2011).
- Giustozzi A. Koran, Kalashnikov, and laptop: the neo-Taliban insurgency in Afghanistan. New York: Colombia University Press, 2008. (дата обращения: 20.12.2013).
- Ingalls James. The New Afghan Constitution. A Step Backwards for Democracy // Foreign Policy in Focus, March 13, 2004. B. R. Rubin Creating Constitution for Afghanistan [электронный ресурс] // URL: <http://www.cic.nyu.edu/peacebuilding/oldpdfs/JOD%20published.pdf> (дата обращения: 20.12.2013).
- International Crisis Group, “Afghanistan: The Constitutional Loya Jirga” (Kabul/Brussels: ICG), December 12, 2003 [электронный ресурс] // URL: <http://www.crisisweb.org/home/getfile.cfm?id=1050> (дата обращения 24.03.2011).
- Katzman, Kenneth. Afghanistan: Post-War Governance, Security, and U.S. Policy. Congressional Research Service. Order Code RL30588. November 26, 2008 [электронный ресурс] // URL: <http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA490415&Location=U2&doc=GetTRDoc.pdf> P. CRS-9 (дата обращения: 20.12.2013).
- Lister S. Understanding State-Building and Local Government in Afghanistan. Электрон. текстовые данные. Crisis States Research Centre, London School of Economics, 2007 [электронный ресурс] // URL: http://se2.isn.ch/serviceengine/Files/RESSpecNet/57452/ipublicationdocument_singledocument/509F5143-BF56-4B72-8360-849F9D0E0E15/en/wp14.2.pdf (дата обращения: 22.04.2011).
- Nojumi N. The Rise of the Taliban in Afghanistan: Mass Mobilization, Civil War, and the Future of the Religion. New York: Palgrave, 2002. URL: <http://www.nps.edu/Academics/centers/ccc/publications/OnlineJournal/2006/Feb/johnsonFeb06.pdf> (дата обращения: 20.12.2013).
- URL: <http://www.institute-for-afghan-studies.org/Documents/1stCabinet.html> (дата обращения: 20.12.2013).
- URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/1457405/Afghan-aviation-minister-killed-inambush.html> (дата обращения: 20.12.2013).
- URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/3461351.stm (дата обращения: 20.12.2013).
- URL: <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/campaign/interviews/abdullah.html> (дата обращения: 20.12.2013).
- in Afghanistan]. *World Economy and International Relations*. 2006. No. 6. (In Russ.)
- Korgun V. G. [Afghanistan in the Early XXI Century. Collection of Articles] An Internet resource. Moscow: Institute of Middle East, 2004. (In Russ.)
- Korgun V. G. [Afghanistan. Presidential Elections and Choice of Guidelines]. *Asia and Africa Today*. No. 4. 2005. P. 41–49. (In Russ.)
- Korgun V. G. [Intellectuals in Political Life of Afghanistan]. Moscow: Nauka, 1983. (In Russ.)
- Lister S. Understanding State-Building and Local Government in Afghanistan. Electronic text data. Crisis States Research Centre, London School of Economics, 2007. An Internet resource: http://se2.isn.ch/serviceengine/Files/RESSpecNet/57452/ipublicationdocument_singledocument/509F5143-BF56-4B72-8360-849F9D0E0E15/en/wp14.2.pdf (accessed: April 22, 2011). (In Eng.)
- Mamun R. Teknokratkhay Mosalakh. Kabul: Intisharat-e-said., 2007. (In Iran.)
- Mojda V. [Afghanistan from the First Bonn Conference to the Second]. An Internet resource: <http://www.farsi.ru/doc/4531.html> (accessed: December 20, 2013). (In Russ.)
- Mojda V. Afghanistan va pyanj sal saltanat-e-Taliban. Tehran, 2003. (In Iran.)
- Nechitaylo D. A. [Peculiarities of the Use of Suicide Bombers in Afghanistan]. An Internet resource: <http://i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-15617.html> (accessed: December 20, 2013). (In Russ.)
- Nessar O. [Afghan Crisis and Problem of Regional Security]. An Internet resource: <http://ria.ru/politics/20101019/287107016.html> (accessed: December 20, 2013). (In Russ.)
- Nojumi N. The Rise of the Taliban in Afghanistan: Mass Mobilization, Civil War, and the Future of the Religion. New York: Palgrave, 2002. (In Eng.)
- Sikoev R. [Basic Law of 2004 in the Context of Afghan Constitutionalism]. *Asia and Africa Today*. 2004. No. 6. (In Russ.)
- Sikoev R. R. [Afghanistan on the Eve of the Presidential Elections]. *Asia and Africa Today*. 2004. No. 8. Pp. 12–16. (In Russ.)
- Sikoev R. R. [The Talibs: Religious and Political Portrait]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2004. (In Russ.)
- Slinkin M. F. [Afghanistan: Pages of History (80–90s of the XX century)]. Simferopol, 2003. (In Russ.)
- Slinkin M. F. [People’s Democratic Party of Afghanistan in Power. Time of Taraki — Amin (1978–1979)]. Simferopol, 1999. (In Russ.)
- URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/3461351.stm (accessed: December 20, 2013). (In Eng.)
- URL: <http://www.institute-for-afghan-studies.org/Documents/1stCabinet.html> (accessed: December 20, 2013). (In Eng.)
- URL: <http://www.nps.edu/Academics/centers/ccc/publications/OnlineJournal/2006/Feb/johnsonFeb06.pdf> (accessed: December 20, 2013). (In Eng.)
- URL: <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/campaign/interviews/abdullah.html> (accessed: December 20, 2013).
- URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/1457405/Afghan-aviation-minister-killed-inambush.html> (accessed: December 20, 2013). (In Eng.)
- Vitashov D. S. [Basics of Afghanistan’s Constitutional System under the 2004 Constitution]. An Internet resource: <http://www.crisisweb.org/home/getfile.cfm?id=1050> (accessed: December 20, 2013). (In Russ.)
- Zelichenko A. L. [History of Kyrgyzstan’s Integration into International Process of Counteraction to Afghan Drug Expansion: 1991–2002]. A Cand. Sc. Thesis (history). Bishkek, 2003. (In Russ.)